

23 мая 1980

ДИАЛОГИ

В знаменательный для страны год 110-летия со дня рождения В. И. Ленина, художественному руководителю Ленинградского театра миниатюр народному артисту Союза ССР Аркадию Райкину присуждена Ленинская премия.

«Вам, замечательному художнику и гражданину, посвятившему свое искусство утверждению ленинских норм нашей жизни, Ленинская премия присуждена по праву» — говорится в одной из поздравительных телеграмм с грифом «правительственная».

Их сотни, писем и телеграмм со всех концов необъятной страны, из братских социалистических стран, от воинов-ветеранов, рядом с которыми сражался Райкин своим оружием смеха на фронтах Великой Отечественной войны. Многие с лаконичным адресом, всего из двух слов — «Ленинград. Райкину», и за каждой строкой — поистине всенародная любовь к артисту и глубокое понимание его оптимистического, жизнеутверждающего искусства.

«Ваше творчество, проникнутое страстным стремлением к добру, утверждению высоких моральных принципов, служит благородному делу нравственного воспитания молодого поколения.

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи».

ми, гражданской устремленностью?

— Большой драматический имени Горького, которым руководит Г. А. Товстоногов. Я считаю БДТ одним из лучших театральных коллективов в Европе. Это умный и честный театр, собравший под свои знамена целую плеяду прекрасных актеров, которые отдают себя искусству без остатка. Для них каждый спектакль — часть жизни. Ведь артисты бывают разные: те, что себя отдают, и те, что показывают себя, заботясь лишь о самовыражении. Но зрителя все равно не обманешь — он почувствует это и останется равнодушным. Все зависит от нравственной сущности художника. Добрый ты или злой, мелкий или глубокий — видно. Играет мудреца, а сам дурак — тоже видно. Такому спектакль ничего не стоит. Он может сыграть десять спектаклей за один день.

Чтобы зрители не оставались глухими, надо многое знать и видеть, жадно впитывать в себя жизнь, а уже на

«СМЕХ — ПРИЗНАК СИЛЫ»

В — Вас хорошо понимали еще и потому, что в каждой стране вы выступали на родном языке зрителей, не так ли? Как это удавалось и сколько языков вы теперь знаете?

— Десять. Труден только самый первый. Многие похожи, например, румынский и итальянский. Но «знаю» — это не точно сказано. Играю, понимаю, говорю. А подготовку к спектаклям наш театр начинает за год-полгода до гастролей. Потом общаемся с людьми, окунаемся в языковую стихию той или иной страны — и взаимопонимание обеспечено.

— И тогда звучат ответные выстрелы... Это те, против кого она направлена и кто в зеркале сатиры узнает себя. Я вижу их в зрительном зале — они сидят с каменными лицами, даже когда аплодируют. А некоторые люди просто заблуждаются, привязывая недостатки, которые высмеивает эстрада, к нашей действительности. Да ничего подобного! Человеку свойственно плохое и хорошее, а задача сатиры — оттеняя дурное, высвечивать доброе.

— Я уже говорил: художник обязан слушать время, пристально и жадно вглядываться во все, что происходит вокруг, жить проблемами, которые волнуют народ, а не только тебя лично, изучать людей, чтобы увиденное отдавать людям. В этом гражданская позиция художника. А пишу вам очень многие, в том числе молодые авторы. При театре, можно сказать, работает целый литературный институт. Помогаем, направляем, перестраиваем...

— Недаром вас называют еще и публицистом. Часто вы подсказываете авторам темы, проблематику будущих монологов, интермедий, миниатюр?

— Да, конечно, но очень радуюсь, когда свои наблюдения, изложенные сатирическим пером, нам приносят из самой гущи жизни. Часто это бывают не профессионалы, а люди, работающие на производстве, со своим свежим и точным взглядом на вещи.

Хочется сказать самые добрые слова о молодом сатирике Михаиле Мишине — он много и успешно работает для нашего театра.

— Ваши посевы, как любое настоящее искусство, дают добрые всходы. Об этом, в сущности, все письма... Но чем конкретнее, сиюминутно можно измерить «действенность» ваших выступлений, говоря языком

газеты? Наверное, это сделать невозможно.

— Вы ошибаетесь. Вполне возможно — и это самая большая для художника награда. Сейчас никто уже не потребует у вас справку о том, что вам нужна справка, и не скажет: «Сила в бумажке. В ей вся сила!» Многие, очень многое в народе остается. Смех, говорил Луначарский, признак силы, и сам он — сила.

Курьезный, конечно, пример, но из Павловского дворца написали, что я, мол, срываю им экскурсии: как только дело доходит до Греческого зала, начинается безудержный смех.

— И что же? Те, над кем вы смеялись, перестанут превращать храмы в конюшни?

— Зачем так упрощенно? Смехом можно убить, смехом можно поддержать, вдохновить. Вы знаете, как смеялись во время наших концертов солдаты Великой Отечественной войны? А вот фашистам было тогда не до смеха.

В одной из телеграмм, которую получил Аркадий Райкин в связи с присуждением ему Ленинской премии, говорится: «Я предвидел это еще в 1939 году. Леонид Утесов». Аркадий Исаакович пояснил, что на первом Всесоюзном конкурсе молодых артистов эстрады, а было это 41 год назад в Ленинграде, Утесов с Дунаевским, оба члены жюри, комментировали возможность кандидатуры участника примерно так: «Этот калиф на час. А этот — на год». Про Райкина они сказали: «Этот мальчик — на всю жизнь!»

— А вы, Аркадий Исаакович, могли бы о ком-нибудь сказать то же самое? В этом смысле есть кому передать эстафету?

— А нужно ли говорить то же самое и нужно ли то же самое искусство? Все вторичное ему противопоставлено. Каждый талант и каждый театральный коллектив должен быть самобытным, искать новые, непроторенные пути в своем творчестве. В искусстве, если оно настоящее, нет широкой столбовой дороги. Лучше бездорожье, чем путь, обкатанный другими.

— Какой театр вам наиболее близок сегодня своим творчеством, нравственными исканиями

сцене отдавать накопленное, не щадя себя.

— Аркадий Исаакович! Как случилось, что ваши дети — дочь и сын — пошли по стопам родителей и стали артистами!

— Дочь, Катя, вполне закономерно. Она с раннего детства была актрисой, охотно вступала в «игру» со мной, импровизировала. В двенадцать лет Катя уже играла Козетту в спектакле вахтанговцев «Отверженные».

А вот приход Кости в театр был для нас полной неожиданностью. У него были совсем другие интересы. Мальчик страстно увлекся миром животных, мог часами изучать зверей в зоологическом саду. Писал стихи — всегда о животных, изборажал он тоже только животных, и это у него очень хорошо получалось. Даже стихотворение, посвященное моему лучшему другу Назыму Хикмету — Костя написал его в десятилетнем возрасте — было о гордом и одиноком лосе... Театр сын любил всегда, но говорил, что для одной семьи у нас и так слишком много актеров. О его поступлении в театральное училище имени Щукина мы узнали постфактум. Оказалось, что в наше отсутствие в школе проходил вечер художественной самодеятельности, на котором Костя с успехом показал девять пантомим. Это и решило его судьбу. Будучи студентом, Костя преподавал пантомиму, и сейчас он очень много работает. Я говорю ему: побереги себя. Не помогает.

— И это советуете вы, для которого каждый спектакль — беспощадная самоотдача всех сил...

— Сын только улыбается и говорит мне то же самое.

Профессия актера — жертвенная профессия. Ведь мы, артисты, играем на собственных нервах и собственном сердце.

Через несколько минут Аркадию Райкину предстояло — в который раз за целую жизнь в искусстве! — снова играть на собственном сердце: его уже ждали в переполненном зале Ленинградского театра эстрады...

Беседу вел А. ОСИПОВА
Фото В. Голубовского

О творческой молодежи, которой так много внимания уделяет художник, и начался наш разговор с Аркадием Райкиным.

— Аркадий Исаакович! В одном из своих интервью вы с большим удовлетворением отметили о VI Всесоюзном конкурсе молодых артистов эстрады и сказали, что есть кому передать эстафету. В нем, конкретно, вы видите своих продолжателей?

— Их много — молодых талантов, патристичных, гражданственных, близких нашему театру по природе своего искусства. И не только среди артистов эстрады. К ней у меня свои требования: демократизм, мужество, актуальность, а не сиюминутность тематики. Именно это присуще многим студенческим театрам, которые взяли на себя благородную миссию бороться со злом, рутинерством, косностью. Несколько лет назад проходил конкурс таких театров. Оказалось, что около ста из них занимается тем же делом, что и наш театр, — осмеиванием зла и утверждением доброго в человеке. Молодежь наша — умная, думающая, мужественная и романтическая. Она прекрасно понимает назначение сатиры, умеет смотреть вдаль и знает, с чем надо бороться сегодня, чтобы людям лучше жилось завтра. Традиции студенческих театров живы, их, я думаю, надо развивать и поощрять. Это отвечает духу времени, основополагающим документам партии по идеологическому воспитанию трудящихся. Вспомните опубликованное в прошлом году постановление ноябрьского Пленума ЦК КПСС, где о наших недостатках говорится с партийной прямотой и принципиальностью. Ведь это новый вдохновляющий стимул для работы в жанре сатиры, которая призвана играть очистительную роль в нашем обществе.

— Интересно, Аркадий Исаакович, вы избрали сатиру сознательно или такова природа вашего таланта?

— Талант, если он существует, может быть и лиричным, и трагическим. Это свойственно и нашему театру. Но эстрада, как говорил Всеволод Вишневский, это прежде все-

го искусство коротких ударов. Конечно, я избрал сатиру сознательно, потому что считаю ее орудием доброты, средством сделать человека лучше, честнее, порядочнее. Для этого надо уметь видеть не только скверное, но и прекрасное — его в нашей жизни гораздо больше. Если бы я не знал великое множество честных, порядочных людей, мыслящих глубоко и смело, то не замечал бы подделков.

— Находятся, однако, люди, которые принимают искусство коротких ударов за злопыхательство, а сатиру — за искажение нашей действительности.

— И тогда звучат ответные выстрелы... Это те, против кого она направлена и кто в зеркале сатиры узнает себя. Я вижу их в зрительном зале — они сидят с каменными лицами, даже когда аплодируют. А некоторые люди просто заблуждаются, привязывая недостатки, которые высмеивает эстрада, к нашей действительности. Да ничего подобного! Человеку свойственно плохое и хорошее, а задача сатиры — оттеняя дурное, высвечивать доброе.

— Но ведь многие негативные явления социальны. Они порождены не только несовершенством человеческой природы.

— Да, социальные. Суть в том, с каких позиций к ним подходить. Бюрократизм, например, был всегда и всюду. Как и другие социальные пороки, чуждые самой природе нашего строя, его идеалам. Просто на светлом фоне черное виднее, заметнее, а в социалистической действительности его не должно быть совсем. Не случайно после наших гастролей в Англии лондонские газеты писали, что «истинный бюрократ проживает в Лондоне, а ваши взяточники — пигмеи по сравнению с нашими. К тому же в вашей стране их неизбежно посадят, а у нас они будут процветать всегда. Вы показываете «лестницу славы», но ведь это характерно именно для нас — случайные взлеты и случайные падения». Во всех странах нас очень хорошо понимали.